This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

PG 1896
3460
D39P6
DEMENT'EV, P.A.
PO OBSHIBKIE; RAZSKAZ

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

BY MISTAKE. — A sketch by P. A. TVERSKOY.

Изданій Фонда В. Р. П.
Вып. 21-й

Цѣна:
6 п. (60 сант.; 20 цент.)

Дементьев, П. А.

ПО ОШИБКѢ

РАЗСКАЗЪ

П. А. Тверского.

1896.

Published by the «RUSSIAN FREE PRESS FUND.»

LONDON.

ВН

PG 3460
D39 P6
1896

Лондонскій фондъ вольной русской прессы основанъ нижеподписавшимися лѣтомъ 1891 года при помощи взносовъ, сдѣланныхъ нѣсколькими русскими, имѣющими легальное положеніе въ Россіи. Цѣль его удовлетвореніе ощущаемой въ настоящую минуту въ Россіи потребности въ свободномъ печатномъ словѣ. Изданія фонда будутъ выходить отдѣльными брошюрами не періодически, касаясь какъ злобы дня, такъ и общихъ вопросовъ. Считая будущее русскаго народа результатомъ всѣхъ существующихъ попутныхъ теченій и мнѣній въ Россіи, издатели не намѣрены ограничиваться опубликованіемъ только своихъ личныхъ воззрѣній, но приглашаютъ и другихъ авторовъ, не вполнѣ согласныхъ съ ними, но могущихъ доставить рукописи, цѣнныя по своему фактическому содержанію, или въ какомъ нибудь другомъ отношеніи, принять участіе въ изданіяхъ фонда за своей собственной или псевдонимной подписью. Ко всѣмъ-же тѣмъ, кто живо чувствуетъ въ Россіи униженіе невольнаго молчанія и сознаетъ свой нравственный долгъ по отношенію къ массѣ трудящагося народа, населяющаго русскую территорію, мы обращаемся за посильной помощью средствами и литературнымъ матерьяломъ. Мы охотно беремъ на себя всѣ хлопоты по опубликованію всѣхъ присылаемыхъ намъ цѣнныхъ рукописей и аккуратной доставкѣ въ Россію отпечатаннаго.

Тѣ, кто не имѣютъ съ нами связей черезъ нашихъ друзей въ Россіи, могутъ обращаться къ намъ лично или письменно изъ-за границы. Деньги можно пересылать или переводами черезъ одинъ изъ лондонскихъ либо парижскихъ банковъ, или почтовыми переводами (*mandats*, *postal orders*) или ассигнаціями любой страны, въ заказныхъ письмахъ.

КОМИТЕТЪ ФОНДА :

Ф. Волховскій (*Volkhovsky*) } *56, Rylett Crescent, Shepherd's*
Е. Лазаревъ (*E. Lazerev*) } *Bush, London, W.*
Н. Чайковскій (*N. Tchaykovsky*) *Harrow, England.*
Л. Шишко (*L. Shishko*) адресъ лондонскаго склада.
Л. Гольденбергъ (*L. Goldenberg*) *15, Augustus Road, Hammersmith, London, W.*

ПО ОШИБКѢ.

«... Я незадолго передъ тѣмъ вернулся изъ-за границы, изъ южной Франціи, гдѣ прожилъ почти годъ, залечивая мои балканскія раны. Меня туда отправили умирать, но молодость — мнѣ было всего двадцать два года — и богатырское сложеніе взяли свое, на зло докторамъ, и весной я вернулся въ Петербургъ, бодрый, и, казалось, совсѣмъ здоровый. Эта карточка, которая вызываетъ на Вашихъ губахъ такую саркастическую улыбку, была снята какъ разъ по моемъ возвращеніи.»

— «Согласитесь сами, что это очень странная, чтобы не сказать болѣе, карточка. Несомнѣнно — Вы, а какая иронія! Тщательно закрученные усики, побѣдоносный видъ, шитый мундиръ, эполеты, аксельбанты, цѣлая вереница регалій — не то Марсъ, не то свѣтскій хлыщъ... Во всякомъ случаѣ ничего похожаго на Васъ, какимъ я Васъ привыкла знать...»

— «Чего не бываетъ на свѣтѣ? Когда я думаю объ этомъ времени, мнѣ всегда кажется, что это было такъ давно, давно... точно въ прошломъ столѣтіи, точно я съ тѣхъ поръ опять родился, выросъ и успѣлъ посѣдѣть... Все, что я пережилъ до этой достопамятной ночи, все, мое дѣтство и юность, кажутся мнѣ чѣмъ то чужимъ — будто это былъ не я самъ, не мои собственныя плоть и кровь... Да, я, вѣроятно, былъ хлыщеватъ, было во мнѣ не мало разной, сросшейся съ

моимъ существомъ, гадости. Мнѣ, впрочемъ, кажется, что и тогда по временамъ мнѣ бывало стыдно... не то что стыдно, сознательно стыдно, а какъ-то тошно и не по себѣ. Помню, что еще въ Болгаріи я иногда ужасно злился и волновался, особенно когда обнаруживалось все это воровство, все это распутство, весь этотъ хаосъ жадности и подлости, доходившій до такой наивной откровенности, что даже мы, почти дѣти изъ колыбели, не могли его не замѣчать. Въ то время даже въ нашихъ гвардейскихъ офицерскихъ кружкахъ, не смотря на искусственно раздутый шовинизмъ и неизбѣжную пустоту среды, тамъ и сямъ проглядывало недовольство, неудовлетворенность, смутное сознаніе желательности чего то другаго — бездарность и безнравственность того нѣчто, которое заправляло всѣми нами, по временамъ не могло не бить въ глаза даже намъ. Потомъ, когда я лежалъ больной въ Ниццѣ, отъ жестокаго бездѣлья я взялся за чтеніе — читалъ иностранныя газеты, и, по временамъ, заграничныя и подпольныя русскія изданія. Знаете, я уже и тогда понялъ, что живущему въ Россіи русскому совсѣмъ невозможно знать, что именно дѣлается въ данный моментъ на его родинѣ. Все шито и крыто. Нужно быть «посвященнымъ» болѣе или менѣе, чтобы имѣть возможность заглянуть въ дѣйствительность, большинство вынуждено довольствоваться поверхностью и слухами. Ну, меня и тогда поражали нѣкоторыя несообразности, хотя, конечно, я и не могъ дать себѣ въ нихъ отчета, и, такъ сказать, сознательно въ нихъ разобраться. А сомнѣнія-то — даже довольно ядовитыя сомнѣнія — особенно по ночамъ, когда я, бывало, долго не могъ заснуть отъ боли — шевелились во мнѣ и тогда. Впрочемъ, когда я вернулся въ полкъ, гдѣ меня встрѣтили съ распростертыми объятіями, эти сомнѣнія какъ то сразу улетучились, сразу какъ то стало не до нихъ — а потомъ, когда меня

назначили адъютантомъ къ одному изъ выдающихся «августѣйшихъ» и думать сдѣлалось некогда и не о чемъ. Видите, когда я пріѣхалъ, войска ужъ съ годъ какъ вернулись домой, всѣхъ «героевъ» ужъ успѣли прославить до того, что и имъ самимъ тошно стало, и они подъ конецъ всѣмъ надоѣли — а я былъ свѣжей новинкой, чѣмъ то въ родѣ воскресшаго изъ мертвыхъ, объ комъ и думать забыли — ну, изъ меня на время и сдѣлали льва, и курили ѳиміамъ моему тщеславію и мальчишеству. Знаете, у насъ на Руси вѣдь не могутъ жить безъ кумировъ — кому нибудь да надо поклоняться, холопство всегда просится наружу, всегда требуетъ себѣ новыхъ и новыхъ идоловъ... Ну, вотъ, носились и со мной, сдѣлали и изъ меня идола, пѣли и мнѣ акафисты, и я, конечно, не бѣгалъ отъ этого поклоненія... Потому-то, вѣроятно, эта карточка и кажется Вамъ такой противной, вѣдь все то, что во мнѣ тогда происходило, написано на этомъ лицѣ. Впрочемъ, все это въ сторону, все это было и быльемъ поросло, отодвинулось отъ меня куда-то далеко, далеко, въ прошлое столѣтіе, какъ я уже имѣлъ честь Вамъ докладывать въ свое время. Вы вѣдь хотѣли знать не то, чѣмъ я былъ, а то, какъ я сталъ тѣмъ, что я теперь. Произошло это по ошибкѣ; да, какъ это ни странно, тѣмъ не менѣе это фактъ — по ошибкѣ одного изъ петербургскихъ частныхъ приставовъ. Надо Вамъ сказать, что меня воспиталъ опекунъ, двоюродный братъ моей покойной матери, котораго я съ ранняго дѣтства привыкъ считать за отца, и въ семьѣ котораго я былъ принятъ всегда какъ свой, какъ одинъ изъ его собственныхъ дѣтей; было у него три дочки, изъ которыхъ въ обѣихъ старшихъ я былъ поочередно влюбленъ, пока былъ въ корпусѣ — они были только очень немного моложе меня — а младшая была еще совсѣмъ ребенкомъ подросткомъ, когда насъ «двинули» спасать болгаръ

и побѣждать турокъ. Ну-съ, когда я вернулся, обѣ старшія были уже замужемъ, а младшей, за время моего отсутствія успѣвшей превратиться во взрослую дѣвушку, должно было минуть этимъ лѣтомъ шестнадцать лѣтъ. И старшія были очень хороши собой, а эта вышла просто красавица — тонкая, стройная, съ большими серьезными глазами и чудной косой— меня, знаете, она сразу до извѣстной степени захватила, такъ сказать, — теперь дѣло прошлое, я въ то время никогда не отдавалъ себѣ отчета въ томъ чувствѣ, которое она тогда во мнѣ возбудила, но знаю, что это было нѣчто хорошее, свѣжее, цѣльное. И я ее несомнѣнно заинтересовалъ — ну, знаете, первое дѣвическое чувство, любовь не любовь, а такъ, знаете.... Пользуясь правомъ кузена, я, несмотря на то, что меня теребили на всѣ стороны, нарасхватъ, частенько таки къ нимъ заглядывалъ — и она, знаете, вѣроятно понимала это, ей это до извѣстной степени льстило, что ли, она видѣла, что хотя родные и смотрѣли на нее, какъ на ребенка, для меня она постепенно дѣлалась чѣмъ-то другимъ.... Впрочемъ, я, какъ она на меня ни дѣйствовала своимъ присутствіемъ, никогда не позволилъ себѣ ни одного лишняго слова — во первыхъ, я ихъ всегда очень любилъ и уважалъ, во вторыхъ, въ головѣ у меня былъ какой-то сумбуръ.... За мной такъ бѣгали, было такъ много хорошенькихъ женщинъ вокругъ, такъ много ласковыхъ улыбокъ, такъ много веселыхъ лицъ... Я былъ какъ въ чаду. А она была горда, горда какъ бѣсъ, и умѣла владѣть собой — всяческихъ поклонниковъ у ней былъ цѣлый хвостъ, и она держала ихъ въ самомъ почтительномъ отдаленіи... Полуребенокъ, дожидавшійся еще длинныхъ платьевъ, а бывало закуситъ губу и такъ на тебя посмотритъ, что сразу душа въ пятки уйдетъ. Хорошая, искренняя, серьезная была дѣвчурка, да.»

Голосъ у него, ровный и монотонный, какъ то странно задрожалъ и зазвенѣлъ. Онъ всталъ и невѣрнымъ шагомъ прошелъ по комнатѣ, задумчиво глядя на угасавшій огонь камина. Она давно ужь выпустила фотографію изъ рукъ, сложила ихъ на колѣняхъ и нервно слѣдила за его высокой фигурой. Онъ потеръ себѣ ладонью массивный, съ большими взлызами лобъ, закусилъ длинную, замѣтно посеребренную сѣдиной, темную бороду, и опять глубоко опустился въ свое кресло, не глядя на нее.

— «Ну-съ, въ томъ году они очень рано перебрались на дачу, на Крестовскій. У нихъ была своя собственная прелестная дача, и у меня, съ тѣхъ поръ, какъ я себѣ помню, всегда была въ ней отдѣльная комната, внизу. Старики порѣшили, что въ день ея рожденія, когда ей стукнетъ шестнадцать лѣтъ, они дадутъ большой форменный вечеръ и надѣнутъ на нее длинное платье. Можете себѣ нредставить, съ какимъ нетерпѣніемъ мы ждали этого дня — она потому что ужъ давно чувствовала себя взрослой, я самъ не знаю почему — тоже вѣроятно ожидалъ чего то, въ чемъ не отдавалъ самому себѣ отчета.... Въ семьѣ и между самыми близкими знакомыми падъ нами шибко подсмѣивались, говорили, что я по очереди поклоняюсь всѣмъ тремъ граціямъ; она вспыхивала, какъ порохъ, а я отшучивался за насъ обоихъ. Наканунѣ вечера она прислала мнѣ записку, единственную, которую я когда либо отъ нея получилъ, передававшую порученіе матери привезти что-то такое, не помню теперь, изъ города. Мнѣ какъ разъ въ тотъ день пришлось быть дежурнымъ у моего «августѣйшаго»; смѣпился я въ полдень и прямо поѣхалъ на дачу. Дорогой букетъ былъ у меня заказанъ заблаговременно, и вотъ я повезъ его къ ней съ моимъ поздравленіемъ, съ ея запиской въ боковомъ карманѣ мундира. Она услыхала, какъ я подъѣхалъ и вы-

бѣжала мнѣ на встрѣчу, сіяющая, счастливая, во всемъ блескѣ ея перваго длиннаго платья. И я былъ странно взволнованъ, и, когда она, откинувъ назадъ свою прекрасную головку, подала мнѣ обѣ руки, наклонился, и, не знаю почему, поцѣловалъ ихъ. Она ихъ не выдернула, зардѣлась вся и опустила глаза. Не было сказано ни одного слова, а мы оба чувствовали, что эти невольные поцѣлуи какъ будто чѣмъ то связали насъ. Знаете, мы оба были такъ юны, такъ восторжены, жизнь намъ улыбалась такъ привѣтливо — и, хотя я, двадцати двухъ лѣтній гвардейскій свѣтскій хлыщъ, и не былъ непороченъ какъ Madonna, но ея присутствіе какъ будто очищало и меня. Домъ былъ биткомъ набитъ гостями — старики были люди съ хорошими средствами, онъ никогда нигдѣ не служилъ, а все «соединялъ» общество — это было его любимое выраженіе, его конекъ, и это ему въ значительной степени удавалось. У нихъ въ домѣ бывала самая разнообразная, самая разношерстая публика — и всегда было непринужденно и весело. Бывали и свѣтскіе шалопаи въ моемъ родѣ, и университетскіе профессора, и свѣтила адвокатуры и литературы, и «шаршавые» студенты, и знатныя барыни, и курсистки. Всего, знаете, понемножку, и всѣ какъ то чувствовали себя какъ дома, не стѣснялись и не притворялись. Въ этотъ день было какъ-то особенно весело, какъ-то необыкновенно легко — смѣхъ звучалъ по всѣмъ комнатамъ, всѣ, казались, были чѣмъ-то особенно довольны и соотвѣтственно счастливы. Говорить мнѣ съ ней удалось очень мало — она была такъ занята своими гостями и своимъ первымъ вечеромъ — но глаза наши постоянно встрѣчались и будто другъ друга о чемъ-то спрашивали, точно между нами былъ какой-то секретъ, какая-то важная тайна. Мы рано, почти сей часъ же послѣ обѣда, который подали очень поздно, начали танцовать, и танцовали долго,

упорно. Она переодѣлась въ простенькое бѣлое платье, съ полуоткрытыми руками и шеей, и была неописуемо хороша, и очевидно, неописуемо счастлива. Она безспорно была, употребляя стереотипную фразу, царицей бала, — и левъ минуты, вашъ покорный слуга, не только былъ у ея ногъ, но и несомнѣнно не признавалъ и не видѣлъ никого больше въ этой залѣ, кромѣ ея одной. Мы танцовали, играли, дурачились— прицѣпили къ ея корсету мой Георгіевскій крестикъ, надѣли на нее мой парадный шарфъ и мою каску, и, когда, часу во второмъ ночи, началась мазурка, которую я танцовалъ съ нею, дошли до какого то апогея невиннаго сумашествія. Я считался въ то время однимъ изъ лучшихъ танцоровъ Петербурга, и Вы мнѣ конечно повѣрите, если я Вамъ скажу, что я превзошелъ самаго себя въ этотъ вечеръ. А она! ни прежде, ни послѣ не видалъ я никогда такого безконечно счастливаго, восторженнаго лица, такого полнаго наслажденія минутой и всѣмъ окружающимъ. Она жила всѣми порами, всѣмъ своимъ существомъ, это былъ какой то апоѳеозъ молодости и счастія. Мнѣ было бы очень больно, еслибъ Вы меня не поняли. Во всемъ этомъ не было ничего фривольнаго, пошлаго, напускного. Нѣтъ, все это было такъ естественно, жизненно, законно....»

— «Пожалуйста, не пытайтесь какъ бы оправдываться. Я сама когда то пережила нѣчто совершенно подобное — въ другой сферѣ, въ другой обстановкѣ, но я отлично понимаю все то, что Вы хотите выразить, и ваше, и ея душевное состояніе....

— «Знаете, потомъ, въ моей послѣдующей жизни, я встрѣчалъ такую массу нетерпимости, такое, иногда, даже положительное отвращеніе къ обстановкѣ и разнымъ деталямъ, такое нежеланіе признать возможность чистыхъ человѣческихъ побужденій и стремленій при извѣстныхъ наружныхъ условіяхъ, что я по-

невольѣ оговариваюсь и въ настоящемъ случаѣ.... Русская жизнь такъ исковеркана вообще, въ ней такъ много ненужной, непроходимой розни, такая бездонная разница въ пониманіи разныхъ общественныхъ и частныхъ явленій, что постоянно необходимо оговаривать, объяснять, чтобы, при случаѣ, не услыхать насмѣшки даже отъ тѣхъ, кто безусловно способенъ на сочувствіе.... Эта жизнь озлобляетъ и ожесточаетъ сердца даже очень добрыхъ, отзывчивыхъ людей. Нельзя безнаказанно играть вѣчно на одной и той же струнѣ, она или лопнетъ или откажется давать ожидаемый отъ нея тонъ, и, вмѣсто гармоніи, получится какой то отвратительный диссонансъ.... Вы, иностранцы, не можете вполнѣ обнять всѣхъ этихъ ненормальныхъ особенностей, а я иногда упускаю изъ виду, что говорю не съ русскимъ человѣкомъ....»

И онъ болѣзненно улыбнулся и добродушно взглянулъ на нее.

— «Часа въ два вечеръ наконецъ кончился, большинство гостей пріѣхало изъ города съ утра, и потому многіе заторопились домой сравнительно рано. Я остался ночевать, и, въ качествѣ «своего» человѣка, провожалъ уѣзжавшихъ и вообще суетился, разыскивая затерянныя шляпы, пальто и дамскія накидки, и успѣлъ только мелькомъ проститься съ нею, полюбоваться еще разъ той улыбкой торжества и счастія, которая такъ скрашивала ея оживленную фигуру. Когда наконецъ все угомонилось, я прошелъ въ свою комнату, снялъ мундиръ, и, отворивъ окно, выходившее въ садъ, закурилъ сигару и началъ пресерьезно разсуждать самъ съ собою, сдѣлаю я ей завтра предложеніе или нѣтъ? Я былъ опьяненъ ея прелестью, и повторялъ самъ себѣ тѣ немногія слова, которыми намъ удалось перекинуться съ нею въ этотъ вечеръ, и старался придать каждому изъ нихъ какой то особый, таинственный смыслъ. Словомъ, размечтал-

ся и разнѣжился не на шутку, и уже принялъ нѣсколько самыхъ серьезныхъ рѣшеній, какъ вдругъ какой-то странный шумъ подъ окномъ привлекъ мое вниманіе. На дворѣ было очень тепло, и очень свѣтло, несмотря на два часа ночи — наши Петербургскія лѣтнія ночи, знаете, совсѣмъ не то, къ чему Вы привыкли здѣсь, и въ два часа утра почти можно читать на улицѣ. Пока я прислушивался, въ окнѣ вдругъ показалась мужская фигура, и, по фуражкѣ, блестящимъ пуговицамъ и лязгу сабли я узналъ жандармскую форму. Въ тотъ же моментъ послышался шумъ и топотъ и въ домѣ, сзади меня, — я вскочилъ, и прежде чѣмъ успѣлъ раскрыть ротъ или повернуться, почувствовалъ на своемъ плечѣ чью-то тяжелую руку. Внезапно появившійся сзади блестящій лучь потайнаго фонаря сразу освѣтилъ мою фигуру и ослѣпилъ меня на мгновеніе — когда я опомнился, подлѣ меня и держа меня какъ щипцами за руку стояла дюжая сѣрая фигура другого жандарма, а два или три человѣка уже начали обыскивать мой, висѣвшій на стулѣ у другого окна, мундиръ и стоявшій у стѣны маленькій письменный столикъ. Кровь бросилась мнѣ въ голову и я рванулся впередъ, когда наконецъ мозгъ мой прояснился и я сообразилъ, въ чемъ дѣло.

— «Совѣтую Вамъ успокоиться, молодой человѣкъ» — жесткимъ, безъаппелляціоннымъ голосомъ, но почти шопотомъ произнесъ полицейскій офицеръ, въ шапкѣ и во всеоружіи, котораго я только что замѣтилъ у дверей. «Мы производимъ обыскъ въ этомъ домѣ, и всякое сопротивленіе съ вашей стороны совершенно безполезно». Въ отворенную сзади за нимъ дверь я разсмотрѣлъ другіе фонари и цѣлую толпу полицейскихъ. Въ нѣсколько минутъ весь домъ былъ обхваченъ, и по всѣмъ комнатамъ вѣроятно происходило тоже самое, что и у меня.

Надобно Вамъ сказать. что я и прежде слыхалъ о

«бѣломъ террорѣ», царившемъ тогда въ Россіи. Нельзя было жить въ то время въ Петербургѣ и не слыхать объ немъ. Даже въ самыхъ консервативныхъ, въ самыхъ богатыхъ домахъ столицы иногда шепотомъ разсказывали объ обыскахъ, объ арестахъ, о безконечномъ шпіонствѣ, о безграничномъ произволѣ жандармеріи и полиціи. Говорили, что, въ сущности, имъ была дана сверху carte blanche. Но я, опьяненный моимъ успѣхомъ и отличіями, я, адъютантъ «августѣйшаго», мало обращалъ вниманія на эти толки и разсказы, и, конечно, никогда и не воображалъ, что и я самъ и мои близкіе можемъ въ одинъ прекрасный день сдѣлаться жертвою именно этого «бѣлаго террора». Полиція, жандармы, третье отдѣленіе — что общаго могло быть между ними и мной, львомъ и идоломъ петербургскаго бомонда? Ну, какіе нибудь тамъ «волосатые» студенты или «очкастыя» курсистки и акушерки, это, конечно, въ порядкѣ вещей, а меня, гвардіи капитана, гіоргіевскаго кавалера и одного изъ «приближенныхъ къ Высочайшимъ особамъ» какъ же все это могло касаться, и какое мнѣ было до всего этого дѣло? Молодость, знаете, безнечна и часто пропускаетъ мимо ушей многое, что въ данный моментъ ее непосредственно не трогаетъ. Пока васъ самихъ не зацѣпятъ, все кажется превосходнымъ и какъ слѣдуетъ. Ну-съ, тоже было и со мной. Но когда я увидѣлъ, что какой то кварташка, что то въ моихъ глазахъ чрезвычайно низменное и гадкое — знаете, всѣ мы въ Россіи привыкли смотрѣть на полицію съ какимъ то невольнымъ отвращеніемъ, какъ на нѣчто весьма пакостное, въ родѣ, такъ сказать, отвратительно скользкой жабы или ядовитаго паука — что такой кварташка читаетъ ея записку, вынутую имъ изъ кармана моего мундира, и когда мнѣ показалось, что онъ при этомъ чтеніи улыбается какой-то ехидной, инсинуирующей улыбкой, все во мнѣ перевернулось и я бросился къ этой запискѣ, какъ сума-

сшедшій, съ пѣной у рта и съ безсильными проклятіями на устахъ. Не тутъ то было — дюжія руки ухватились за меня со всѣхъ сторонъ, и моментально пригвоздили къ мѣсту — а кварташка только сморщилъ брови и многозначительно повелъ щетинистыми усами, какъ чѣмъ-то особенно довольный котъ. Простите меня за всѣ эти, повидимому незначительныя подробности — но для меня въ то время онѣ были не мелочами, а ударами раскаленнаго желѣза по живому мясу, и навсегда врѣзались въ мою память, такъ что отдѣлить ихъ отъ сущности дѣла я даже и теперь не въ состояніи.... Между тѣмъ, одинъ изъ жандармовъ успѣлъ разглядѣть подробно мой мундиръ и мои ордена — они его какъ будто нѣсколько смутили, и онъ сталъ что-то шептать своему начальнику, указывая глазами и на меня, и на мундиръ. Я замѣтилъ это, и немедленно рѣшился воспользоваться моментомъ.

— «Знаете ли Вы. Милостивый Государь, что Вы дѣлаете?» обратился я къ нимъ насколько могъ хладнокровно и высокомѣрно. — «Я — адъютантъ его Императорскаго Высочества, гвардіи капитанъ такой-то, и Вамъ придется жестоко отвѣтить за наносимое мнѣ и этому дому оскорбленіе. Подумайте о послѣдствіяхъ. Его Высочеству не особенно пріятно будетъ узнать, какъ Вы и ваша орда обошлись съ однимъ изъ его личныхъ адъютантовъ.»

— Офицеръ не удостоилъ меня ни отвѣтомъ, ни даже взглядомъ. Онъ недовольно поморщился на шептавшаго ему жандарма. тотъ мгновенно сократился и опять принялся за обыскъ комнаты съ удвоеннымъ рвеніемъ. Люди эти очевидно никого и ничего не боялись, и были совершенно увѣрены въ своей абсолютной безотвѣтственности, что бы они не продѣлали съ кѣмъ либо. Они чувствовали себя, какъ рыба въ водѣ или какъ спущенные съ цѣпи псы. Несмотря на страшное возбужденіе, не смотря на всѣ тѣ ужасы, которые

мнѣ пришлось пережить въ эту ночь, я отчетливо помню, что и тогда уже я какъ бы прозрѣлъ и понялъ, что значитъ во всей своей полнотѣ «бѣлый терроръ», когда исполнители вполнѣ заражены имъ. Этотъ полицейскій офицеръ, при обыкновенныхъ условіяхъ, былъ бы конечно невыразимо польщенъ, еслибъ получилъ отъ меня кивокъ головы или улыбку — а тутъ мой престижъ для него совершенно не существовалъ, онъ сознавалъ себя неограниченнымъ властелиномъ, какимъ-то Кощеемъ безсмертнымъ, которому море было по колѣно; онъ бы, безъ малѣйшаго колебанія, приказалъ застрѣлить меня, какъ собаку, скрутить мнѣ локти на спину, еслибъ я подалъ ему малѣйшій къ этому поводъ. Странно, какъ въ такіе необычные моменты обостряется и усиливается работа человѣческаго мозга — вдругъ начинаешь понимать многое, что, при обычной рутинѣ жизни, нисколько никогда бы не выяснилось, но и не пришло бы даже въ голову.

Въ какіе нибудь полчаса въ комнатѣ не осталось ни одного необшареннаго уголка — это были люди опытные, умѣлые, непремѣнно разъискавшіе бы даже иголку въ стогѣ сѣна. Понятно, что они не могли найти и не нашли ничего для нихъ интереснаго — впрочемъ ея записку задержали, потому ли, что замѣтили мое волненіе при ея чтеніи, или такъ, для видимости произведеннаго обыска, я не знаю — и я такъ и не могъ достать ее потомъ, несмотря на всѣ усилія выцарапать ее изъ ихъ грязныхъ рукъ. Зачѣмъ они это дѣлаютъ — отбираютъ у владѣльцевъ совершенно ихъ цѣлямъ несоотвѣтствующія вещи, какой, напримѣръ, была эта записка, я и до сихъ поръ объяснить себѣ не могу. Впрочемъ, во всемъ этомъ такъ много необъяснимаго, непонятнаго, что такія мелочи въ то время не обращали на себя ничьего вниманія.

Послѣ обыска меня, не позволивъ мнѣ одѣться, по-

вели черезъ залу въ гостинную. Въ одномъ изъ угловъ залы, подъ присмотромъ двухъ держимордъ, въ халатѣ, съ какимъ-то безпомощнымъ, недоумѣвающимъ, жалкимъ лицомъ, съ растрепанными сѣдыми волосами, сидѣлъ самъ старикъ-хозяинъ дома; онъ меня не замѣтилъ, не узналъ; все происшедшее просто уничтожило его, довело до совершеннаго столбняка. Въ гостинной, на угольной софѣ, въ глубокомъ обморокѣ, лежала старушка-хозяйка. Ея горничная, полуодѣтая, съ растерянным, полоумным лицомъ, совала ей въ носъ какой то флакончикъ, и по временамъ, очевидно безсознательно, причитала что-то въ полъ-голоса. Меня ввели въ комнату и остановили у одного изъ оконъ—въ ту-же минуту отворилась дверь въ корридоръ, и два жандарма не то ввели, не то внесли и ее.

Я не знаю, сколько времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ я увидѣлъ въ окно первую фигуру жандарма—но я хорошо помню, что въ этотъ моментъ, когда мой взглядъ упалъ на нее, солнце уже взошло и въ комнатѣ было совершенно свѣтло. Фасадъ дачи выходилъ на востокъ, и косвенные лучи солнца широкими снопами вливались въ комнату и придавали какой то особенно яркій колоритъ всей этой дикой сценѣ. Не знаю почему, но въ моемъ мозгу навсегда запечатлѣлись съ удивительною точностью всѣ мельчайшія подробности и этой сцены, и всей обстановки комнаты — какая то болѣзненная ясность сопровождаетъ всякое о нихъ воспоминаніе. Какъ далеко отъ меня все то, что происходило только наканунѣ этого дня, также близка ко мнѣ эта ночь, точно она повторяется каждый день моей жизни съ тѣхъ поръ.

Она была боса, въ одной ночной сорочкѣ — одинъ изъ жандармовъ все пытался накинуть на нее какую то шаль, или большой платокъ, и она однимъ и тѣмъ же движеніемъ руки; очевидно, безсознательно, всякій разъ сбрасывала ее съ себя. Ея волосы были распу-

щены, лицо горѣло — зубы были стиснуты, подбородокъ дрожалъ, а глаза — глаза.... Никогда въ жизни, нигдѣ, даже въ картинныхъ галлереяхъ Дрездена, Лувра и Мадрида не видалъ я никогда такихъ глазъ, такого глубокаго ужаса, такого смертельнаго отчаянія — такого стыда и тоски, съ какими смотрѣли на меня эти глаза.... Я и теперь, почти черезъ двадцать лѣтъ, постоянно вижу передъ собой этотъ страшный взглядъ, и онъ нерѣдко дѣлалъ изъ меня дикаго звѣря, готоваго зарѣзать спящаго, беззащитнаго ребенка...»

Его голосъ оборвался на полусловѣ, онъ задрожалъ и нѣсколько минутъ не могъ продолжать своего разсказа — она боялась пошевелиться, дохнуть.

— «Я думаю» — началъ онъ опять, совсѣмъ другимъ, какимъ-то скорбнымъ, безучастнымъ голосомъ — «что вообще очень трудно въ нѣкоторыхъ случаяхъ опредѣлить и оформить человѣческіе импульсы, особенно импульсы полудѣтской дѣвичьей души. Что она пережила за эти моменты, какъ именно функціонировалъ ея ошеломленный мозгъ, знала только она одна. Мы въ состояніи понять ужасную рѣзкость перехода — непосредственно изъ восхитительной атмосферы перваго вечера, отъ массы новыхъ, чудныхъ впечатлѣній къ непонятному, необъяснимому для нея варварству шайки разнузданныхъ сбирровъ, всю муку гордой, самолюбивой, знавшей дотолѣ только любовь и ласку общей любимицы, все безконечное отвращеніе стыдливой женской натуры къ циническому прикосновенію грубыхъ солдатъ — но мнѣ всегда казалось, что безцѣльная, чисто-татарская жестокость выставки ея наготы именно передо мною, передъ тѣмъ человѣкомъ, передъ которымъ впервые начало робко и безсознательно раскрываться ея дѣвственное сердце, и подѣйствовала на нее больше всего. Ея взглядъ остановился на мнѣ и какъ бы застылъ — и я не могъ отвести отъ нея моихъ глазъ. Ждала ли

она отъ меня помощи, вполнѣ ли она сознавала то, что съ ней дѣлалось, я не знаю. Я былъ прикованъ къ мѣсту и моей стражей, и ея взглядомъ. Я не могъ пошевельнуться — въ горлѣ у меня мгновенно пересохло, мой мозгъ былъ парализованъ, мои руки были безсильно опущены. Но я раньше сообразилъ въ чемъ дѣло, она же, вѣроятно, до конца находилась въ какомъ-то смертельномъ недоумѣніи — неожиданность и рѣзкость всего происходившаго не поддавались разумному объясненію, если бы она и была къ нему способна. Не знаю, долго ли мы оставались въ такомъ положеніи. Когда, наконецъ, обыскъ былъ оконченъ и завѣдывавшій имъ офицеръ, тотъ самый, съ которымъ я такъ неудачно пытался объясниться въ самомъ началѣ, не нашедшій абсолютно ничего, къ чему бы можно было хоть самымъ отдаленнымъ образомъ придраться, не заблагоразсудилъ сдѣлать никакихъ арестовъ, меня опять увели въ мою комнату и оставили тамъ одного, размышлять на свободѣ о превратностяхъ судьбы. Вся орда отхлынула также внезапно, какъ и появилась, оставивъ перерытый, перевернутый кверху дномъ домъ отдыхать отъ пережитыхъ имъ неожиданныхъ впечатлѣній.

Одѣвшись и узнавши отъ людей, что уже привезли доктора и что барыню привели въ чувство, что баринъ съ нею и не можетъ ее оставить, и что барышня, кажется, уснула и всѣмъ имъ нужно только спокойствіе, я поѣхалъ въ городъ, и въ семь часовъ утра былъ уже у оберъ-полиціймейстера. Несмотря на ранній часъ я былъ немедленно принятъ — генералъ уже сидѣлъ за своимъ рабочимъ столомъ надъ большой кипой разныхъ бумагъ. Я такъ и кипѣлъ отъ негодованія и не особенно стѣснялся въ выраженіяхъ, передавая ему подробности того, что въ то время считалъ только личнымъ мнѣ оскорбленіемъ. Онъ терпѣливо выслушалъ мое, по всей вѣроятности,

не особенно связное повѣствованіе, не пошевелилъ ни однимъ мускуломъ, и сухо спросилъ:

— «Ну-съ, что же дальше?»

— «Это все, Ваше Превосходительство. Мнѣ кажется, что и этого довольно.» И я выпрямился на моемъ стулѣ, и взялся одной рукой за мой адъютантскій аксельбантъ, а другой — за георгіевскій крестъ.

— «Чего же Вы хотите отъ меня, капитанъ?»

Я всталъ въ тупикъ. Чего же, въ самомъ дѣлѣ, я хотѣлъ отъ него? На дуэль, что-ли, я собирался его вызвать? Или ожидалъ, что онъ прикажетъ высѣчь частнаго пристава?

— «Мнѣ остается только пожалѣть, что Вы проводите свое время съ неблагонадежными людьми, вотъ и все. Впрочемъ, постойте: какъ Вы сказали имя и фамилія этого ранняго дачника?»

Я повторилъ фамилію моего опекуна.

Онъ какъ будто чему-то удивился и позвонилъ. Вошедшій чиновникъ передалъ ему что-то шепотомъ. Онъ всталъ и вышелъ въ другую комнату, не взглянувъ на меня. Я просидѣлъ съ полчаса, пока наконецъ онъ не вернулся, съ какимъ то, какъ мнѣ показалось, подобіемъ улыбки на лицѣ.

— «Ну-съ, я очень рядъ, что могу Васъ успокоить. Все это оказывается простой ошибкой. Полиція перемѣшала нумера, и сдѣлала обыскъ не тамъ гдѣ слѣдовало. Ваши знакомые или родные, я не совсѣмъ Васъ понялъ, оказываются вполнѣ благонадежными людьми и я могу Вамъ сообщить теперь же, что намъ не придется замѣшать Васъ лично во что бы то ни было. Просто ошибка, нѣчто весьма понятное при настоящихъ обстоятельствахъ, ошибка, о которой не стоитъ и распространяться. Лѣсъ рубятъ, щепки летятъ. Вамъ рѣшительно не объ чемъ безпокоиться. Имѣю честь кланяться.»

И онъ позвонилъ и мгновенно углубился въ свои бумаги.

Я былъ уничтоженъ. Генералъ, очевидно, полагалъ, что мнѣ только слѣдуетъ радоваться тому, что я не попался въ чемъ-то, и благодарить и его, и его полицію, и судьбу за свое спасеніе. Онъ даже не понялъ, или не могъ понять, изъ-за чего-же тутъ было горячиться — разъ это была ошибка. Во всякомъ случаѣ, было несомнѣнно, что тутъ мнѣ ничего не оставалось дѣлать, и я поспѣшно откланялся. Отъ него я заѣхалъ къ моему бывшему полковому командиру и къ двумъ-тремъ вліятельнымъ военнымъ друзьямъ. И тѣ, выслушавъ меня съ нѣкоторымъ сочувствіемъ, только пожали плечами и совѣтовали мнѣ не только бросить предпринятый было походъ противъ полиціи, но и какъ можно меньше говорить объ этомъ вообще. «Знаете, мой милый»— сказалъ, между прочимъ, одинъ изъ нихъ, по своему служебному положенію, болѣе или менѣе, «посвященный»: «эта исторія можетъ повредить Вамъ, если Вы сами не поймете во время, что, въ такихъ случаяхъ, слѣдуетъ держать языкъ за зубами. Полиція теперь у насъ — все, и я лично не знаю никого, понимаете, рѣшительно никого»—онъ особенно подчеркнулъ это «никого», какъ-бы умышленно намекая на моего «августѣйшаго» —«кто бы могъ схватиться съ нею хоть бы съ какой нибудь надеждой на успѣхъ. А если Вы ихъ разсердите, они Вамъ непремѣнно насолятъ, и насолятъ вплотную. Да-съ, милѣйшій, намотайте себѣ это на-усъ. И не воображайте, чтобъ кто либо рѣшился за Васъ вступиться. Своя рубашка къ тѣлу ближе. Времена теперь такія, что никто не безопасенъ, и никому не охота бороться съ вѣтряными мельницами. Подонкихотствовали довольно, пора и честь знать».

Я и недоумѣвалъ, и волновался все больше и больше, не зная, что же мнѣ дѣлать? — но, когда добрал-

ся, наконецъ, до своей квартиры, чтобы переодѣться, засталъ тамъ лакея моего опекуна, дожидающагося меня, блѣднаго, разстроеннаго, совершенно сбитаго съ толку. — «Барышня приказали долго жить» — только и могъ сказать онъ. Я не сразу его понялъ; это было слишкомъ много. Я не хотѣлъ ему вѣрить — какъ, отчего, когда? Но у него только и осталась способность повторить ту-же ужасную фразу — и я, какъ сумасшедшій, бросился на дачу. Да, она умерла, и уже одѣтая лежала на столѣ въ той же залѣ, гдѣ еще только вчера провела несомнѣнно счастливѣйшій день всей своей короткой жизни. Какъ, когда и гдѣ она достала тотъ ядъ, которымъ отравилась еще ночью, вскорѣ послѣ того, какъ горничная ее оставила въ ея комнатѣ, какъ будто уснувшей, такъ и осталось навсегда тайной. Не было ни строчки, она никому не сказала ни одного слова, ни съ кѣмъ не подѣлилась, что привело ее къ такому ужасному рѣшенію. Рано утромъ матери что то понадобилось въ ея комнатѣ, и посланная горничная нашла ее на полу, уже мертвой, съ маленькой стклянкой въ коченѣвшей рукѣ.

Когда меня, наконецъ, съ трудомъ оторвали отъ ея трупа, уже подъ вечеръ, вся горечь этой страшной смерти, этого ужаснаго преступленія бросилась мнѣ въ голову. Я какъ-то сразу позабылъ о самомъ себѣ и о своемъ тщеславіи. Я поѣхалъ къ моему «августѣйшему», безсознательно, охваченный безнадежнымъ отчаяніемъ, и, не смотря на неурочный часъ, таки добился у него аудіенціи. Его Высочество только что изволили откушать, и прехладнокровно ковыряли у себя въ зубахъ, пока я передъ ними изливался, измученный, потрясенный, уже вѣроятно подъ вліяніемъ перваго приступа нервной горячки, которая свалила меня въ тотъ же день на долгое время. Я не помню, былъ ли я достаточно точенъ и понятенъ, но увѣренъ что и мое измученное лицо, и все мое истерзанное

непосильными страданіями существо должны были говорить сами за себя, какъ бы сбивчива ни была моя рѣчь. Я былъ молодъ, экспансивенъ, никогда не умѣлъ сдерживаться и притворяться. Онъ былъ не глупъ, и, конечно, не могъ не видѣть, что это была сама истина. Тѣмъ не менѣе, все это оказалось больше чѣмъ безполезнымъ. Онъ слегка наморщился, ему было, можетъ быть, непріятно, даже его личное самолюбіе было, вѣроятно, до извѣстной степени задѣто, но онъ былъ вполнѣ, безусловно безсиленъ, и, очевидно даже для самаго меня, постарался отдѣлаться отъ меня какъ можно скорѣе, отзываясь недосугомъ — его куда то ждали — и прикрывъ свое дѣйствительное или напускное равнодушіе нѣсколькими ничего не значущими, любезными, но холодными фразами, въ которыхъ, какъ я ни былъ возбужденъ, я не могъ не уловить даже легкаго намека на мою, якобы, безтактность. Вѣроятно, онъ уже былъ предупрежденъ, и успѣлъ приготовиться ко встрѣчѣ. Итакъ, мой военный «покровитель», съ которымъ я совѣтовался утромъ, оказался совершенно правъ и понималъ вполнѣ существовавшее настроеніе высшихъ сферъ. Было не только безполезно, но и безтактно говорить о страданіяхъ, разъ хотя бы даже и грубая ошибка полиціи была ихъ причиной. Петербургскій оберъ-полиціймейстеръ считался единственной надеждой — спасителемъ потерявшейся камарильи, и вѣдь и въ самомъ дѣлѣ нелѣпо и наивно жаловаться на бога. Я въ тотъ-же вечеръ подалъ въ отставку, а къ утру уже метался въ безобразномъ жару горячки, безъ всякаго сознанія.

Ее похоронили, пока я лежалъ въ бреду и во второй разъ втеченіи этого года моя жизнь нѣсколько дней висѣла на волоскѣ. Уже гораздо позже я узналъ случайно, что передъ убитыми неожиданнымъ горемъ стариками не только не извинились даже, а прямо

приказали имъ «поторопиться» съ похоронами, и «посовѣтовали» «на время» уѣхать изъ города, за границу или въ деревню; что предполагалось обыскать сосѣднюю съ ними дачу, черезъ улицу, на которой, какъ разъ въ эту ночь, по полицейскимъ свѣденіямъ, должно было происходить совѣщаніе кружка «нелегальныхъ», и что ошибка произошла исключительно по глупости частнаго пристава, ловко проведеннаго указаніями именно одного изъ этихъ «нелегальныхъ», во время замѣтившаго полицейско-жандармскій походъ, и смѣло и удачно замѣнившаго одного изъ сосѣднихъ дворниковъ. Въ то время, изволите видѣть, жандармы еще только учились и не дошли еще до той виртуозности въ этихъ дѣлахъ, до которой достигли впослѣдствіи. Судейкинскіе пріемы были еще только желательнымъ, но недостижимымъ идеаломъ. На этомъ совѣщаніи должна была присутствовать одна, особенно извѣстная «государственная преступница», и, по имѣвшимся у нихъ примѣтамъ, они было приняли за нее мою дѣвушку, и потому, вѣроятно, и обошлись съ нею особенно жестоко. Во все время обыска въ ея комнатѣ, больше часу, она была совершенно одна съ цѣлой ордой, и что они съ ней продѣлали, до какихъ именно предѣловъ дошла полицейская изобрѣтательность, сказать трудно и, конечно, навсегда останется тайной. Ея самоубійство дѣлаетъ возможными всяческія, даже самыя ужасныя, предположенія. Исторія движенія, мало по малу выясняющаяся, уже дала многіе, абсолютно доказанные факты не только лютаго звѣрства, но и утонченныхъ эксцессовъ безчеловѣчія и варварства, непостижимыхъ для иностранца.

Когда я пришелъ въ себя и оправился настолько, что могъ немного говорить, я узналъ, что стариковъ уже въ Петербургѣ не было, что отставка моя была немедленно принята, и что мнѣ самому всего лучше

поѣхать въ деревню и постараться тамъ укрѣпить мое окончательно расшатанное здоровье; и, какъ только я почувствовалъ себя въ силахъ двинуться въ путь, я уѣхалъ въ мое южно-русское имѣніе. Поправлялся я очень медленно, главнымъ образомъ потому, что меня охватила какая то безнадежная апатія, какое-то полное равнодушіе ко всему, даже къ тому, выздоровѣю я или нѣтъ? Уже втеченіе первыхъ часовъ сознанія я твердо порѣшилъ навсегда разстаться со службой, съ дворомъ, съ петербургскимъ свѣтомъ. Я забылъ упомянуть, что меня какъ-то сразу забыли, забросили. «Августѣйшій», узнавъ о моемъ прошеніи объ отставкѣ, несмотря на то, что ему вмѣстѣ съ тѣмъ донесли и о томъ, что доктора сомнѣваются останусь ли я въ живыхъ, умышленно распространился на ту тему, что «въ солдатѣ смѣшна экзальтація, солдатъ не институтка» и такъ далѣе — и какъ будто вычеркнулъ меня изъ своей памяти — и, хотя я и былъ знакомъ со всѣмъ Петербургомъ, только пять-шесть человѣкъ сочли возможнымъ и нужнымъ завернуть узнать, живъ ли я и что со мной дѣлается, да и то второпяхъ, какъ будто втихомолку. Это, впрочемъ, пустяки, и совершенно въ порядкѣ вещей. Вольно же мнѣ было не понимать «духа времени»! Не маленькій, слава богу, пора бы набраться толку.

Выходилъ меня молоденькій фельдшеръ, котораго доктора отправили со мной изъ Петербурга, и который въ то время съумѣлъ замѣнить для меня всѣхъ и все. Это былъ замѣчательно мягкій, и, можно сказать, нѣжный юноша — не думаю, чтобы родная мать могла ухаживать за больнымъ сыномъ съ большей любовью, съ большимъ самоотверженіемъ, чѣмъ ухаживалъ за мной онъ. Казалось, онъ никогда не спалъ, никогда не уставалъ, никогда не забывалъ ничего, что мнѣ было нужно. Онъ возвратилъ меня

къ жизни наперекоръ мнѣ самому. Ужъ потомъ, нѣсколько лѣтъ послѣ его смерти — онъ былъ убитъ наповалъ, годъ спустя, въ одномъ изъ кіевскихъ «вооруженныхъ сопротивленій» — я узналъ случайно, что это именно онъ провелъ тогда полицію и завелъ ее въ домъ моего опекуна — и что, узнавъ послѣдствія, и будучи въ опасности быть схваченнымъ въ Петербургѣ, такъ какя заманенные имъ полицейскіе имѣли отличное описаніе его личности, онъ успѣлъ, черезъ знакомыхъ, устроиться при мнѣ, выѣхать безопасно изъ города и затѣмъ своимъ безкорыстнымъ, нѣжнымъ уходомъ, хоть отчасти отплатить мнѣ за все, причиненное имъ невольно зло. Послѣ того какъ я началъ поправляться и успѣлъ уже серьезно къ нему привязаться, я замѣтилъ за нимъ нѣкоторыя странности — онъ велъ большую переписку, всегда на мое имя, хотя нѣсколько разъ говорилъ мнѣ, что у него нѣтъ никакихъ родныхъ, и, очевидно, имѣлъ достовѣрныя свѣденія о все сильнѣе и сильнѣе разъигрывавшемся революціонномъ движеніи. Это было поистинѣ ужасное время: разныя «покушенія» все усиливались, смѣлость и иногда безумная дерзость ихъ просто парализовали воображеніе, «бѣлый терроръ» все распространялся и дошелъ до самыхъ отдаленныхъ угловъ Россіи. Въ провинціи онъ доходилъ нерѣдко до чего-то совершенно невозможнаго, чему самые довѣрчивые люди теперь отказываются вѣрить. Низшій провинціальный полицейскій персоналъ просто ужасенъ — большинство, въ сущности, ничто иное, какъ карманники, просто жулики — становые, урядники, все это носитъ на себѣ печать Каина и въ обыкновенное то время, а тогда имъ дали волю и они самымъ безцеремоннымъ образомъ развернулись во всю ширь — всякая каналья, всякій волостной писарь чувствовалъ свое новое значеніе, и всѣми силами души стремился или къ тому, чтобы «изловить»

кого нибудь, или тайными каверзами сорвать какое нибудь давнишнее зло. Господи, чего, чего только они не продѣлывали? Да и помимо ихъ, всѣ наиболѣе паскудныя, наиболѣе темныя силы населенія спѣшили ловить рыбу въ мутной водѣ, и «попользоваться». Онѣ чуяли, что на ихъ улицѣ былъ праздникъ, что ихъ стали слушать и поощрять, и усердствовали по мѣрѣ силъ и возможности. Доносовъ, кляузъ, самой наглой лжи и неизобразимой мерзости развелось повсюду видимо невидимо, такъ что подъ конецъ все сбилось съ толку и смѣшалось въ какую-то безобразную массу. Кабатчики, закладчики, бездомные пропойцы — все это было спущено съ цѣпи и неистовствовало безнаказанно. Я едва ли съумѣю передать Вамъ и сдѣлать понятнымъ все то, что пережила за это время Россія и то напряженіе, то нервное возбужденіе, которыя охватили тогда все населеніе. Трусливые люди съ ужасомъ развертывали утреннюю газету — не убитъ ли кто нибудь, не взорвали ли еще что нибудь, не назначили ли еще какихъ нибудь новыхъ сатраповъ? «бѣлый терроръ» рвалъ и металъ, но и «красный» не оставался въ долгу, и, прежде чѣмъ публика успѣвала освоиться съ чѣмъ нибудь необыкновеннымъ, всегда являлась на сцену какая нибудь свѣжая новинка, еще смѣлѣе, еще необыкновеннѣе. «Крамольниковъ и соціалистовъ» ловили — впрочемъ, больше случайно и обыкновенно, благодаря ихъ же собственной неосмотрительности — запирали, ссылали, вѣшали, а они росли какъ грибы, и безсиліе властей просто приводило въ отчаяніе даже самыхъ вѣрныхъ слугъ «престолъ-отечества». Никогда я не забуду одного чрезвычайно характернаго для того времени случая. Пріѣзжаетъ ко мнѣ разъ нашъ уѣздный предводитель, до нельзя перепуганный и жалкій старикъ, — я ужъ бродилъ помаленьку и могъ вполнѣ владѣть своимъ голосомъ

— и просить «конфиденціальнаго» разговора, втеченіе котораго читаетъ мнѣ «совершенно секретное» письмо къ нему губернатора, въ очень изысканныхъ выраженіяхъ, приглашающее «вѣрное дворянство» на помощь съ «крамолой» — а, въ переводѣ на обыденный языкъ, приказывающее цѣлому сословію обратиться въ шпіоновъ! Это ли было не безсиліе, не слабоуміе, не потерянность, не вакханалія подлости и разврата?

Ну-съ, мнѣ остается прибавить нѣсколько словъ. Вы и сами, вѣроятно, уже давно все поняли. Въ одинъ прекрасный день мой фельдшеръ, котораго я уже привыкъ считать за добрѣйшаго и честнѣйшаго человѣка въ мірѣ, заявилъ мнѣ, что онъ долженъ немедленно уѣхать. На прощанье мы, наконецъ, разговорились совсѣмъ по душѣ, и, когда слѣдующей зимой я пріѣхалъ въ Петербургъ, я уже принадлежалъ организаціи тѣломъ и душой. Какъ видите, сначала ошибка полиціи, потомъ безтактная безчувственность, татарская жестокость властей, и, наконецъ, истинно добрая душа единственно отнесшагося ко мнѣ по человѣчески «крамольника», въ связи съ чѣмъ-то, что несомнѣнно было въ тогдашнемъ воздухѣ Россіи, сдѣлали и изъ меня конспиратора и потомъ изгнанника. Мое прошлое съ тѣхъ поръ не принадлежитъ мнѣ одному, и моя личная исторія совсѣмъ не интересна. Не правда ли, какая ужасная иронія — конспираторъ по ошибкѣ частнаго пристава! А какъ же это иначе назвать? Само собой разумѣется, что перемѣна эта произошла во мнѣ не въ одинъ день, и не въ одну недѣлю; я не художникъ, не Достоевскій, и пытаться не стану оформить того психологическаго процесса, который медленно происходилъ въ моемъ мозгу въ то время, и произвелъ такую рѣзкую перемѣну во всемъ моемъ умственномъ и нравственномъ внутреннемъ я — не съумѣю даже

опредѣлить, когда онъ фактически начался и когда кончился — передаю Вамъ только главныя стадіи, остовъ этого страннаго, могучаго процесса. По временамъ я колебался, мучился отъ всѣхъ этихъ противорѣчій — но всетаки въ концѣ концовъ процессъ этотъ оказался сильнѣе всего и безвозвратно завоевалъ меня. Я отдался ему, потому что все освѣщеніе жизни для меня перемѣнилось, потому что все окружающее приняло другую окраску и совершенно иначе отзывалось и въ моемъ сердцѣ, и въ моемъ мозгу. Значеніе извѣстныхъ событій получило другой смыслъ, и этотъ новый смыслъ оказался сильнѣе всякихъ возраженій моего прежняго я — словомъ, я переродился и мое прошлое перестало для меня существовать.»

— «А что сдѣлалось съ стариками родителями? Вы, кажется, упоминали, что они должны были уѣхать изъ Петербурга?»

— «Мнѣ не пришлось больше увидать ихъ. Сначала они уѣхали въ деревню, потомъ за границу, и той же зимой обое переселились въ лучшій міръ. Я потомъ однажды встрѣтилъ ихъ старшую дочь, — во время обыска она жила съ мужемъ въ провинціи, и, будучи вызвана телеграммой отца, сопровождала ихъ въ этой поѣздкѣ, но ей, очевидно, было такъ страшно тяжело отъ этихъ воспоминаній, что я не рѣшился разспросить ее, и самъ до сихъ поръ не знаю подробностей. Ея мужъ былъ прокуроромъ или чѣмъ-то въ этомъ родѣ, во всякомъ случаѣ однимъ изъ «столповъ общества», мы съ нимъ сразу не поладили, и потомъ я окончательно потерялъ ихъ изъ виду — да и событія шли такъ быстро, что мнѣ было, по правдѣ сказать, не до нихъ — а вскорѣ, послѣ 1-го марта, и мнѣ пришлось совсѣмъ покинуть Россію.»

— «Разсчитываете-ли Вы когда либо вернуться?»

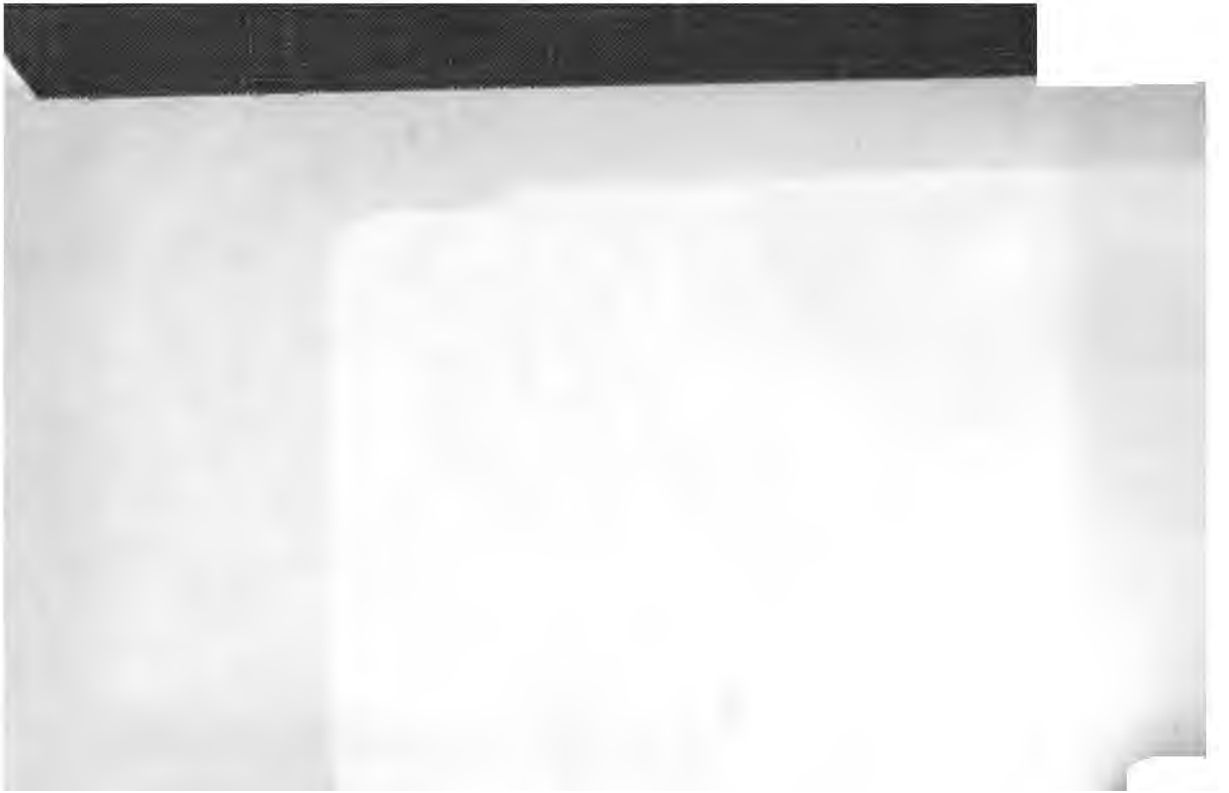
— «Не знаю. Едвали, впрочемъ. Видите ли, послѣ

этого послѣдняго, ужаснаго удара, съ нашимъ революціоннымъ движеніемъ въ Россіи произошелъ радикальный коллапсъ. Его значеніе, кажется, и до сихъ поръ не понимается какъ слѣдуетъ даже въ самой Россіи, даже самими радикалами, не только здѣсь въ Европѣ. Придумали тысячу объясненій: Дегаевщина, Судейкинство и все, что соединяетъ въ себѣ это омерзительное имя, свинцовая рука Александра III, плоды предначертаній графа Дмитрія Толстаго, Каткова и Побѣдоносцева, «отрезвленіе» общества, «честность» правительства, многое множество другихъ, имъ же имя ты единъ, Господи, вѣси. Я же объясняю себѣ этотъ коллапсъ гораздо проще, чисто научнымъ образомъ. Дѣло прежде всего въ томъ, что въ Россіи процентъ интеллигентныхъ мыслящихъ людей ужасно незначителенъ, и только извѣстная его часть, по самой природѣ вещей, способна на активную борьбу и на неизбѣжно связанное съ нею положительное выдѣленіе изъ общихъ рядовъ. Уже шестидесятые года гнали русскую интеллигенцію на всѣхъ парахъ, жгли ее съ обоихъ концовъ свѣчи, истощали болѣе или менѣе возможные источники — а, къ концу семидесятыхъ, все, что, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, было способно къ выдѣленію, къ принятію непосредственнаго участія въ дѣйствительной борьбѣ, было уже вытянуто изъ паселенія и привлечено — интенсивность напряженія и острота переживаемыхъ кризисовъ были таковы, что ограблено даже было и будущее поколѣніе, такъ какъ въ рядахъ революціонной партіи того времени нерѣдко встрѣчаются даже пятнадцатилѣтнія дѣвочки. Масса русскаго народа громадна, но она инертна, неотзывчива — и я лично удивляюсь не тому, что послѣдовалъ коллапсъ, а тому, что это насильственное возбужденіе длилось такъ долго. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что русское правительство, защищаясь отъ этихъ элементовъ,

дѣйствуетъ, такъ сказать, по инерціи, опираясь на остающуюся неизмѣнно въ одномъ и томъ же положеніи инертную массу, и, согласно общимъ законамъ самосохраненія, не истощается и всегда можетъ разсчитывать на свои источники — свалили одного, за нимъ ихъ цѣлая стѣна — а нападающіе въ данномъ случаѣ истощаютъ извѣстное поколѣніе чрезвычайно быстро и остаются безъ всякаго резерва. Ряды правительства пополняются безостановочно, по инерціи, да оно и не несетъ никакихъ существенныхъ потерь — а ряды его противниковъ въ данномъ случаѣ неизбѣжно постоянно рѣдѣютъ, хотя пополняющіе ихъ элементы строго ограничены. Послѣ извѣстнаго періода коллапсъ очевидно неизбѣженъ. Вотъ онъ и случился послѣ 1-го марта, пришелъ какъ естественный, законный результатъ всего предшествовавшаго. Нація жила долгое время на всѣхъ парахъ, способные на выдѣленіе элементы истощились, именно когда движеніе достигло своего, по видимому, кульминаціоннаго пункта, питавшее это движеніе нервное возбужденіе достигло своего предѣла, — и послѣдовалъ коллапсъ. Устранили одного — вышелъ на сцену другой, оказалось, что промѣняли кукушку на ястреба, и что въ перспективѣ ихъ еще цѣлые десятки, одинъ здоровѣе другого, и, можетъ быть, одинъ хуже другого, и что, хотя сами по себѣ они и были совершенные нули, ихъ постепенное устраненіе требовало такихъ сверхъ-естественныхъ усилій, на которыя оставшіяся въ наличности силы были уже неспособны. Не то, чтобъ не осталось въ Россіи готовыхъ на самопожертвованіе людей, чтобъ пониманіе правды и долга истощилось, а то, что необходимое для ихъ очевиднаго для всего міра проявленія въ формѣ острыхъ кризисовъ нервное возбужденіе угасло, вслѣдствіе предшествовавшаго ненормально долгаго напряженія. Нуженъ отдыхъ, нужно время на пополненіе

растраченной энергіи. Мы все тѣ-же, но уже не способны отвѣчать на зовущіе насъ впередъ импульсы, какъ отзывались на нихъ двадцать лѣтъ назадъ. Солдатъ можетъ драться сутки, двое, трое, что ли, но подъ конецъ падаетъ отъ изнеможенія, а земляной валъ укрѣпленія все стоитъ. Даже побѣдоносная армія на другой день сраженія всегда ни на что активное не способна. Дождусь ли я того момента, когда новыя, молодыя силы опять поднимутъ перчатку и опять возбудятъ отдыхающія теперь народныя силы, я не знаю — да и никто не въ состояніи предсказать этого. Для меня лично несомнѣнно то, что, пока опять не появятся признаки пробужденія жизненной энергіи, пока опять не прозвучитъ страстный призывъ къ борьбѣ, намъ остается только терпѣливо ихъ дожидаться и стараться не погрязнуть навсегда въ житейской тинѣ.»

Онъ всталъ, быстро простился и вышелъ. Она долго сидѣла не шевелясь, смотря въ одну точку.



Stanford University Libraries
3 6105 011 872 376

PG
3460
D34P
1896

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.

SEP - 1 1971